

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

**ACTUAL PROBLEMS
OF LINGUISTICS
AND LITERARY STUDIES**

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

дами. Например, О.А. Бредиус-Субботина, послереволюционная эмигрантка из России, которая вела переписку с Шмелёвым в 1939–1950 гг., писала: «Как много жизни в Вас! Как заставить Вы умеете жить и любить солнце!» [6. С. 92], или, как отметила в своей статье «Образ солнца в творчестве И.С. Шмелёва и К.Д. Бальмонта» Д.Я. Олеговна, «Солнце для Шмелёва – прежде всего источник радостного приятия бытия, необходимое условие и атрибут жизни» [7]. Показательно в аспекте заявленной темы и исследование Т.П. Буслаковой, которая прослеживает связь романа «Солнце мертвых» Шмелёва с поэмой «Мертвые души» Н.В. Гоголя [8. С. 50] и поэтическим сборником «Будем как солнце» К.Д. Бальмонта [8. С. 109–133].

Литература

1. Амфитеатров А.В. Страшная книга. // Возрождение. 1926. № 533 (17 ноября). С. 8.
2. Трессидер Д. Словарь символов. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm (дата обращения: 06.04.2021).
3. Шмелев И.С. Солнце мертвых. М. : Эксмо, 2014. 640 с.
4. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен : Оберменцинге, 1959. 196 с.
5. Лейдерман Н.Л. Русская литература XX века, 1917–1920-е гг. М. : Академия, 2012. 544 с.
6. Шмелев И.С. Роман в письмах : в 2 т. Т. 1. М. : РОССПЭН, 2003. 759 с.
7. Олеговна Д.Я. Образ солнца в творчестве И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-solntsa-v-tvorchestve-i-s-shmeleva-i-k-d-balmonta> (дата обращения: 06.04.2021).
8. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья. М. : Высш. шк., 2003. 365 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-120

**«ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ОСОБЫЙ РАСПЕВ»
ЕЛЕНА ШВАРЦ: АВТОРСКИЙ СУБЪЕКТ
В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Медуха О.В.**

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, аспирант
**«TWO POEMS ON SPECIAL CHANT» BY ELENA SCHWARTZ: THE
AUTHOR'S SUBJECT IN THE CONTEXT OF MODERN RESEARCH
Medukha O.V.**

University of St. Cyril and Methodius in Trnava, postgraduate student

В исследовании рассматриваются стратегии присутствия авторского субъекта на материале двух лирических текстов Елены Шварц. Поэтологический

анализ позволяет обнаружить фундаментальные принципы взаимоотношений субъекта, пространства и объекта, которые реализуются в анализируемых текстах и характерны для творчества Елены Шварц.

Ключевые слова: Елена Шварц, авторский субъект, экокритика, поэтика.

The study examines the strategies for the presence of the author's subject on the material of two poems by Elena Schwartz. Poetological analysis shows the fundamental principles of the relationship between subject, space and object, which are implemented in chosen texts and are inherent in the work of Elena Schwartz.

Key words: Elena Schwartz, the author's subject, ecocriticism, poetics.

Научный руководитель: А. Громинова, канд. философ. наук, доцент Университета Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия).

Внимание современных исследователей поэзии сосредоточено вокруг проблематики субъекта, произносящего поэтическую речь, о чем свидетельствует, например, сборник «Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика» (2018) под общей редакцией Хенрике Шталь и Екатерины Евграшкиной [1]. Это связано с особенностями функционирования поэзии сегодня, где автор и реципиент нередко предстают в одном лице, а уровень подготовки других реципиентов практически не отличается от авторского. Исследователи пересматривают категорию субъекта как претерпевающую изменения, отражающую актуальные процессы в литературе в целом. Анализу подвергается и традиция работы с субъектом в литературоведении (определения «лирический субъект», «лирический герой»; нарратологические разработки).

Следует обратить внимание на такой актуальный подход как экокритика (см. Н.В.Барковская, А.Громинова [2]). Внимание экокритики сосредоточено на взаимоотношениях человека и природы, а также человека и его дома, места обитания (греч. *oikos**). Предстает ли в тексте человек как захватчик, пользуется ли он природой как предметом для сравнения или текст предлагает нам более сложные варианты взаимодействия? Так, мы имеем возможность переосмыслить абстрактные категории, не в последнюю очередь и проблематику «субъект–объект–предмет». Для анализа выбран текст Елены Шварц «Два стихотворения на особый распев». Это малоисследованный диптих Елены Шварц, представительницы русской литературы 1970–1990-х годов, цитируется по сборнику избранных текстов «Стихи» (1990), куда входит в сборник «Корабль» (1982) [3. С. 62–64].

При первом чтении текстов обращаем внимание на связь образов и стратегию субъекта, его взгляда, объединяющего образы. В первом стихотворении в первых трёх строфах формируется определенная данность,

предикативность; на уровне присутствия – происходит активная пульсация от дальнего взгляда до малых, собранных точек, и обратно: «любовь» как нечто всеприсутствующее семантически переходит в сердце, образ которого (сердце как центр разветвления вен) переходит в птичье гнездо. В темноте активизируется слух: разум оказывается заполнен щебетом голодных птиц. Это окружение звуком говорит о нарастающем расширении перспективы. «В черной ракушке Бог / Спит под звездой морей <...>» – происходит резкое переключение на далекую подводную точку. Даль усиливает неспособность Бога слышать, обращение к нему остается без ответа. Взгляд субъекта обращает внимание на внешние признаки: соленая вода, отблеск перламутра — и возвращается к себе, к своему сожалению о конечности жизни, страданиях близких и невозможности спасти всех.

«Плюньтесь зрачками, глаза, / К морю во тьме летите, / Плачьте там над теплою тенью, / Над посинелой любовью, / Слабой сестрою смерти. <...>» – первая мысль в повелительном наклонении в попытке отринуть последние сосредоточие зрения, которое бы влекло за собой ответственность и эмоциональный отклик. Концентрат боли должен быть отправлен в далекие и бескрайние места, таким образом субъект раскалывается и получает возможность особого проявления речи и мысли, стремясь выжечь телесной болью боль душевную: «Прут раскаленный возьму, / Язву души прижгу, / Смерти нет вообще, / Жизнь неизводна в нас». Однако метаморфоза не происходит, и прижигание, самоуничтожение не становятся действенным способом раствориться в просторах – субъект возвращен или будет возвращен некоей общностью («вынут»). Прижигание – клеймо, которое лишит субъекта свободы.

Вторая метаморфоза, превращение в единорога, оказывается более удачной в потенциале свершения. Субъект уходит в горы с целью тревожить богов и бессмертных, напоминая им о своей боли. Это и отказ от человеческого (то, что носило любовь) в пользу свободы, подобной животному, и позволение быть человеком в экзистенциальном смысле: тем, что говорит о своей боли. Таким образом, происходит взаимообмен с миром природы, перенесение себя (взгляда как чаек, что плачут-кричат над морем, «над посинелой любовью») в животное. Характерен именно буквальный, нарративный смысл приведенных образов. Также стоит заметить неравнозначность между Богом и богами, бессмертными в горах (контекст язычества, пантеон греческих или римских богов). Бог Единый отдалён от «Я». При этом «Я» не совпадает с авторским, а скорее соотно-

сится с архаическим из времен первого христианства, сосуществующего с язычеством (птицы печали как эринии, а также интертекстуальное соотношение с одной из масок Елены Шварц в «Трудах и днях Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца»). В интертекстуальных пересечениях важен и библейский образ единорога, где животное символизирует праведность, благость, порой расшифровывается через паронимическую аттракцию «единый Бог».

Во второй части диптиха реализуется иная стратегия. В начале сразу называются три главные структуры стихотворения: особое время (осень, время собирать плоды, время работы, время служения), присутствие человека и природы (листьев, виноградных гроздьев). С одной стороны, это пасторальный напев, мирное время. С другой стороны, «Я» говорит и из виноградинки, и из косточки винограда, наблюдая действия человека над природой. Природа лишена выражения субъектного, можно лишь догадываться о ее печали или страхе. В то же время говорящий смиренно готовится к служению, которое подразумевает и смерть, расщепление (давка ягод для последующей обработки). Дополнительно этот контраст намечается уже в начале текста: в трепетании листьев и вздохе гроздьев при одновременном срезании последних. Но позиция говорящего особена тем, что она устремлена в служение в обыденном времени созревания и сбора урожая: это позиция зерна, которое имеет возможность прорасти в будущем. Поэтому его зовет голос земли, и сам говорящий есть создание «темное, земное». Перспектива говорящего не претерпевает глубинной метаморфозы, подобно происходящему в первой части диптиха. Лишь выведение голоса говорящего на уровень «мы», который может подразумевать и человека, стоящего в винограднике, т.е. на уровень всепринятия по подобию рефрена: «Все языки Господь наш понимает...», — что наталкивает на мысль об изменениях в субъектности.

Указание на распев предлагает потенциал толкования через жанры богослужебных песнопений. Это и православные, и старообрядческие распевы (знаменный, дорожный и другие), это и мотивная связь с Псалтырем. В Псалтыре также встречается единорог (в синодальном переводе упоминается в 21, 28 и 91 псалмах). Подобную второму стихотворению Елены Шварц структуру наблюдаем в 79-м Псалме: описание виноградника как аллегории израильского народа, выведенного из рабства. Бог покинул народ, и виноградник теперь подожен (в глазах и гневе Бога в том числе). Плачущий призывает Бога обратить взгляд на народ и простить ему грехи.

Вместе с тем, ярко проявляется и поэтика контраста – внимание к «опозиционным парам, характеризующим сферу антропологического универсума (душа/тело, жизнь/смерть, ярость/кротость. Ум, Совесть, Плач)» [4. С. 374]. Первая часть диптиха предлагает более иммерсивную стратегию поведения говорящего: высокая насыщенность речи переживаниями, внимание к телесному, выражение себя вплоть до превращения в некое существо. Вторая часть диптиха предлагает нам перспективу, исходящую из одной точки, которая находится достаточно близко к человеку и является частью природы. Лишь в конце одна точка выражает акцент множества: «Мы живы посредине винограда...», что соотносится с косточками винограда, каждая из которых имеет потенциал прорасти виноградной лозой, а также – со всеми живыми существами.

Анализ стихотворений подтверждает актуальность современных исследований стратегий присутствия субъекта. Говорящий у Елены Шварц не сразу обнаруживает себя, его внимание и речь в начале текстов устанавливаются через предикативные структуры, которые выстраивают главные темы стихотворения. Затем субъект может претерпевать метаморфозы или перемещаться. При этом особое внимание следует уделить связям субъекта с миром, так как поэтическое открытие заключается и в уходе от наиболее распространенных схем взаимодействия с миром: во-первых, через ироническое, дерзающее переосмысление; во-вторых, через смиренное единение, со-молчание с категориями универсальными (мир, время), что ведет к переосмыслению взгляда, где антропологическое возведено в центр.

Литература

1. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика : сборник / общ. ред. и сост. Х. Шталь, Е. Евграфкина. Берлин : Peter Lang, 2018. 170 с.
2. Барковская Н.В., Громинова А. Образ родной земли в современной поэзии Словакии и Урала // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 27–35.
3. Шварц Е.А. Стихи. Л. : Нов. литература, 1990. 120 с.
4. Заярная И.С. Барокко и русская поэзия XX столетия: типология и преемственность художественных форм. Киев : Киевский университет, 2004. 405 с.